наталія максимова

стихотворенія

●

БУЭНОСЪ АЙРЕСЪ — 1961

наталія максимова

стихотворенія

●

БУЭНОСЪ АЙРЕСЪ — 1961

ЗАВѢТЪ

Помни о томъ, что ты — русскій. И этимъ гордись.
Сынъ прекраснѣйшей въ мірѣ земли, давшей столько святыхъ,
Столько мудрыхъ царей и великихъ именъ, и героевъ — борись
За свободу и право отверженныхъ братьевъ своихъ.

Помни: ты — русскій. И старый священный завѣтъ —
За Царя, за Отчизну, за Вѣру святую отцовъ —
Свято въ сердцѣ храни, какъ средь мрака немеркнущій свѣтъ;
И отдать за него свои силы и жизнь будь готовъ.

Русское имя свое высоко средь народовъ неси.
И молись, чтобъ избавилъ Отчизну Господь отъ оковъ,
Далъ свободу, и миръ, и прощенье плѣненной Руси,
Чтобъ Царица Небесъ ей вернула святой свой покровъ.

**
*

Средь горькихъ травъ моихъ воспоминаній,
Есть блеклые, но милые цвѣты.
Они удержаны сознаньемъ,
Какъ слѣдъ ушедшей красоты.

Они хрупки, но сердцу милы,
Какъ темной ночью свѣтъ огней,
Какъ летъ касатки легкокрылой,
Какъ сонъ о юности моей.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ

Великій Постъ. Въ душѣ встаютъ невольно
Воспоминанья жизни прожитой.
Въ усталомъ сердцѣ такъ свѣтло и больно
Отъ словъ, зовущихъ строгой простотой.

Владыко, Господи! Ты гнетъ души унылой
Своею благостью святою облегчи;
И жизни крестъ нести съ великой силой
Безропотно и кротко научи!

Мерцаютъ разноцвѣтныя лампады
Въ весеннемъ сумракѣ надъ вытертымъ ковромъ,
И мягко искрятся иконные оклады
Игрой камней и тусклымъ серебромъ.

У чернаго потертаго налоя
Предъ темнымъ ликомъ выцвѣтшихъ иконъ,
До сѣрыхъ плитъ склонившись головою,
Стоишь в тоскѣ колѣнопреклоненъ.

И кажется, что здѣсь, у ногъ Распятья,
Найдешь душѣ измученной отвѣтъ;
И кажется, простятся зло, проклятья,
Уйдутъ обиды, грѣхъ, неправда долгихъ лѣтъ.

И ,кажется, покой опять къ тебѣ вернется;
Не станетъ боли, зла, тоски, горячихъ слезъ,
И, кажется, съ небесъ далекихъ улыбнется
Душѣ скорбящей ласковый Христосъ.

МОЛИТВА

Господи жизни, Владыко Небесъ,
Праздности духъ и унынья,
Любоначалія, праздныхъ словесъ —
Слабаго сердца отрини.

Духъ цѣломудрія, духъ же любви,
Кроткаго въ жизни смиренья,
Вѣры, надежды, терпѣнья
Въ сердцѣ моемъ обнови.

Даруй мнѣ, Господи, видѣть мои
Передъ Тобой прегрѣшенья,
Дерзкій языкъ мой, молю, удержи
Тяжкихъ грѣховъ осужденья.

Душу очисти и сердце мое:
Имъ же отъ вѣка до вѣка
Славятъ уста человѣка
Имя святое Твое.

*
* *

Помоги мнѣ, Господи, смириться сердцемъ гордымъ,
И душѣ покой и стойкость обрѣсти.
И прямымъ путемъ, во всѣхъ невзгодахъ твердымъ,
Къ Царству Твоему небесному придти.

Укрѣпи въ несчастьяхъ, въ страшныхъ искушеньяхъ,
Изведи изъ мрака, скорби, зла и лжи!
Дай мнѣ покаянья слезы въ прегрѣшеньяхъ,
Путь мой въ тьмѣ кромѣшной, Боже, укажи.

Не оставь! Помилуй меньшаго изъ малыхъ.
Я — въ горахъ песчинка, капля въ морѣ водъ...
Но и псы вѣдь алчутъ крохъ послѣднихъ самыхъ
Со стола своихъ пирующихъ господъ.

О СЧАСТЬИ

Оно промчалось трепетной Жаръ-птицей,
Роняя перья крыльевъ огневыхъ...
И въ небѣ слѣдъ остался, вереницей
Горящихъ искръ кроваво-золотыхъ...

И къ нимъ прикованъ взоръ. Но искры гаснутъ
Въ безоблачной далекой вышинѣ...
А сердце ранено. И тщетно ждетъ и страстно
Сраженное, одно въ гнетущей тишинѣ.

**
*

Ты видишь, видишь: близко осень
Съ ея холодной красотой?
Лѣсовъ таинственная просинь
Одѣлась дымкой золотой,

Надъ свѣтлымъ озеромъ туманы,
Поля безжизненны, пусты...
Не такъ ли вешнихъ грезъ обманы
Полны недолгой красоты?

Ты видишь, другъ мой, осень близко!
Камышъ надъ озеромъ поникъ,
Плывутъ надъ лѣсомъ тучи низко,
И рѣзче птицъ пугливый крикъ...

И такъ печаленъ въ небѣ темномъ
Холодныхъ звѣздъ невѣрный свѣтъ.
Скажи мнѣ: будетъ ли бездомнымъ,
Усталымъ, ищущимъ отвѣтъ?..

**
*

Съ дерева жизни моей
Падаютъ блеклые листья...
Золотые, багровые листья
Молодыхъ отлетающихъ дней.

Осень взошла на порогъ;
И хрустальныя ночи такъ чисты,
Такъ далекія звѣзды лучисты...
А за ними — Господень чертогъ.

Жаль отлетающихъ дней.
Но недолгіе сроки такъ близко...
И все кружатся, падаютъ низко
Листья съ дерева жизни моей.

**
*

Знаешь ли ты, что такое любовь?
Это — яблонь и лилій цвѣтенье,
На зарѣ средь березъ соловьиное пѣніе —
Хмѣль весны, зажигающій кровь.
Это — кружево тонкое трепетныхъ сновъ,
Это — робкой надежды мерцанье,
Это — жертва и вѣра, мечты и страданіе,
Это — чудныя пѣсни безъ словъ.

Знаешь ли ты, что такое тоска?
Это тяжесть безцѣнной утраты,
Это слезы о томъ, что не будетъ возврата
Красотѣ отошедшей безслѣдно въ вѣка.
Это — ревности жало! Безсонныхъ ночей
Неизбывныя тяжкія муки,
Это — горечь безсрочной нелѣпой разлуки,
Жесткій блескъ воспаленныхъ очей.

Знаешь ли ты, что такое покой?
Это — горней лампады сіянье.
Въ немъ сливаются съ Богомъ любовь и страданіе,
Скорбь и радость юдоли земной.
Я люблю! Я тоскую!.. и вѣрю и жду.
И, слезами любви и моленій
Бѣлыхъ яблонь и кринъ орошая цвѣтеніе —
Къ свѣту горнему тихо иду.

**
*

Была и у меня когда-то
Своя далекая весна.
И даль тогда была ясна
И день былъ вѣченъ, безъ заката.

И восемнадцать лѣтъ цвѣли,
И звали, пѣли, и молились;
И сны лазоревые снились
Душѣ, далекой отъ земли.

Но за мечты пришла расплата.
Ушли и радости и сны,
И годы канули съ весны.
Теперь душа моя богата;

И мудро жизни ждетъ конца,
Когда и горечь и проклятья
Потонутъ въ нѣжности объятья,
Въ любви Предвѣчнаго Творца.

**
*

Какъ хорошо весной въ саду зеленомъ,
Когда роняетъ яблоня цвѣты...
Какъ хорошо быть нѣжнымъ, быть влюбленнымъ;
Какъ хорошо, когда со мною — ты.

Какъ хорошо, когда горячимъ лѣтомъ
Прохладой лѣсъ зоветъ подъ сѣнь свою,
И солнца лучъ ласкаетъ мягкимъ свѣтомъ
Головку милую и юную твою.

Какъ хорошо въ осеннее ненастье,
Когда рветъ вихрь послѣдніе листы —
Знать, что со мной мое укрылось счастье,
Знать, что со мной всегда и всюду — ты!

**
*

На закатѣ моей юности
Тихо въ небѣ звѣзды падали...
На разсвѣтѣ моей зрѣлости
Этимъ звѣздамъ сердце радо ли?

Грезъ былыхъ травой росистою
Я иду тропинкой лунною
Въ просинь лѣса серебристую,
Въ просинь тихую, бездумную

Помнишь отблески послѣдніе
Дней, прошдешихъ свѣтлой сказкою?
Пролетѣла юность нѣжная,
Пронеслась, играя красками!

Помнишь пѣсни стзвенѣвшія,
Въ хрупкихъ грезахъ — долю лучшую?
И слова неповторимыя
И луга, луга цвѣтущіе?

Помнишь ты, въ озера свѣтлыя —
Въ страшной жизни сердца скиніи —
Тихо падали лучистыя
Звѣзды золотисто-синія?

Въ моемъ сердцѣ, сердцѣ горестномъ,
Въ дальней скиніи схоронены
Звѣзды тѣ, что ночью темною
Были юностью обронены.

Этихъ звѣздъ, въ тоскѣ оплаканныхъ,
Гордыхъ слезъ — касаться надо ли?..
Невозвратной нѣжной юностью
Въ небѣ, въ сердцѣ звѣзды падали.

⁂

Это было у моря. У синяго, синяго моря,
Гдѣ волна, и песокъ, и горячее солнце, и вѣтеръ...
Это было у моря, гдѣ сосны шумятъ и прибои...
Это было давно, въ золотой догарающій вечеръ.

Это было тогда, когда счастье не знало границы,
И наивное сердце такъ вѣрило кроткимъ мечтаньямъ.
Когда море любовно шептало свои небылицы,
Когда вторило сказкамъ его темныхъ сосенъ роптанье.

Все прошло словно мигъ! И, какъ мигъ, въ суетѣ
позабылось...
Скрыла солнце тяжелыхъ, безсмысленныхъ лѣтъ
вереница.
Сердце? — Сердце давно въ грубой жизни земли
истомилось...
Счастье? — Вѣчно далекая, яркая Синяя Птица!

Это было давно; у лазурнаго, тихаго моря,
Гдѣ волна и песокъ, и горячее солнце, и вѣтеръ...
Это было у сосенъ, гдѣ сердце не вѣдало горя;
Это было давно, въ золотой догарающій вечеръ.

**
*

Зима опять. Снѣжинокъ бѣлыхъ
Летитъ туманная вуаль;
И такъ въ снѣгахъ печальна даль
Полей безкрайныхъ, омертвѣлыхъ...

Какъ хрупкій снѣгъ летятъ и таютъ
Въ безмолвьи вѣчности года.
Увы, мечты не оживаютъ,
Не воскресаютъ никогда!

Еще цвѣтовъ ласкаютъ краски,
Еще силенъ ихъ ароматъ,
Но дни безудержно летятъ,
Какъ легкій снѣгъ въ веселой пляскѣ.

И чую я въ тоскѣ невнятной:
Близки декабрьскіе сны.
И жаль до боли невозвратной,
Далекой, дѣвственной весны.

**
*

На днѣ души, какъ въ глубинѣ колодца,
Я воду жизни свято берегу.
Такъ трудно мнѣ она, такъ тягостно дается.
Отдать ее пескамъ и вѣтрамъ не могу!

И знаю я, когда встрѣчать придется
Мнѣ горе новое, и новую бѣду —
Я только къ этому — любви живой колодцу —
Устами жадными съ надеждой припаду.

И напоитъ меня, вернетъ мнѣ силы, вѣру.
Его кристальная, чистѣйшая вода.
И, знаю: для меня въ немъ нѣтъ ни дна, ни мѣры,
И не изсякнетъ онъ въ пустынѣ никогда.

О НИКОЛѢ-МИЛОСТИВОМЪ

Николинъ день. Лежитъ въ снѣгу деревня.
И рѣзкій вихрь кружитъ снѣжинокъ хороводъ...
И въ памяти моей, какъ свѣтлый сонъ встаетъ
Николинъ день — Россіи праздникъ древній.

Какъ много вѣры, чистыхъ теплыхъ слезъ,
Чудесъ, легендъ вкругъ имени святого!
Онъ милостивъ ко всѣмъ. Хранитъ отъ духа злого,
Помощникъ каждому, кто съ вѣрой произнесъ,

Съ надеждой твердою его святое имя,
Кто къ Божіей любви черезъ него прибѣгъ.
Въ Николинъ день сильнѣй скрипитъ, сверкая, снѣгъ,
И толще на вѣтвяхъ сѣдой пушистый иней.

Во многихъ храмахъ на Руси Святой
Престольный праздникъ. Хвойными вѣтвями,
Чуть-чуть помятыми бумажными цвѣтами
Икона убрана... И знатный, и простой

Спѣшитъ въ Господень храмъ. Здѣсь тонкій духъ еловый,
И воска теплаго чуть слышный ароматъ
Отъ свѣчъ, что передъ Праздникомъ горятъ.
И благостенъ и строгъ святого ликъ суровый.

Здѣсь жарко молятся Угоднику въ слезахъ
Стремясь къ нему душой мятежной и больною...
И свѣчи по плечамъ толпы идутъ волною
Къ Николѣ Зимнему — заступнику въ скорбяхъ.

И дивны красота несказаннаго пѣнья
И смыслъ Божественныхъ Господнихъ вѣчныхъ словъ.
И слышенъ русскій звонъ литыхъ колоколовъ,
Которому нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ сравненья!

Ушла Святая Русь! И смрадна и страшна
Какъ гноище она. Унижена, распята,
Вся кровью залита, страданьями объята
Она Антихристу на муки отдана!..

Но, милостивъ Господь, и рабъ Его Никола
За землю русскую заступникъ искони.
Съ сердечнымъ трепетомъ колѣни преклони,
Склонись предъ нимъ главой до плитъ холодныхъ пола,

Душою скорбною и грѣшной вознесись:
За Родину свою, въ ея лихое лѣто
Ты Старцу дивному — страны Лvкійской свѣту —
Съ глубокой вѣрою и трепетомъ молись!

**
*

Я наслаждаюсь тишиной, уединеньемъ,
Цвѣтеньемъ робкихъ незатѣйливыхъ цвѣтовъ,
И первыхъ птицъ весеннимъ нѣжнымъ пѣньемъ,
И горнымъ воздухомъ, и бѣгомъ облаковъ.

Подъ окнами бѣжитъ, звеня, потокъ пѣвучій,
Вокругъ въ горахъ — лежитъ послѣдній хрупкій снѣгъ.
И ходятъ по холмамъ, касаясь лѣса, тучи,
И время, кажется, остановило бѣгъ.

Бездумно и легко тому, кто безмятеженъ.
Мнѣ видны церковь, горы, солнце изъ окна.
Прозрачный воздухъ чистъ, и свѣжій вѣтеръ нѣженъ,
И все объемлетъ вкругъ покой и тишина.

**
*

Христосъ Воскресе, Русь плѣненная,
Русь — зла носящая печать,
Порабощенная и униженная,
Распятью отданная мать!

Христосъ Воскресе, одинокая,
И всѣми преданная Русь!
Къ тебѣ, всѣмъ чуждая, далекая
Душой и мыслями стремлюсь.

Христосъ Воскресе, Русь, тонущая
Въ крови, въ слезахъ своихъ сыновъ;
Въ глубокой тьмѣ едва бредущая
Подъ гнетомъ горя и оковъ.

Христосъ Воскресе, подъяремная
Земля святыхъ, земля чудесъ!
О Родина, больная, темная,
Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!

Десятки лѣтъ лежишь недужная;
И равнодушенъ міръ къ тебѣ,
Всѣмъ страшная и всѣмъ ненужная —
Одна въ мучительной борьбѣ.

Мы всѣ — невольные изгнанники —
Скорбимъ и плачемъ надъ тобой.
Въ путяхъ Господнихъ всѣ мы странники,
Несемъ твой образъ предъ собой.

И вѣримъ: страхомъ предъ могилою
И голодомъ, и клеветой,
— Не можетъ быть разрушенъ силою
Домъ Богородицы святой!

Почаевъ, Радонежъ прославленный,
И Пустынь Оптина живутъ
Въ сердцахъ дѣтей Руси оставленной.
Они насъ вымолятъ, спасутъ!

О, Родина моя распятая,
Мать пригвожденная къ кресту!
Тоскою смертною объятая,
Молись воскресшему Христу!

Богъ — есть любовь непобѣдимая.
Земля святыхъ, земля чудесъ,
О, Родина моя любимая,
Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!

ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ

Славу Господу въ вышнихъ бесплотныя силы поютъ.
Миръ въ сердцахъ человѣческихъ, радость средь горъ
и долинъ:
Въ Виѳлеемской пастушьей пещерѣ убогій пріютъ
Въ грубыхъ ясляхъ овечьихъ обрѣлъ въ эту ночь
Божій Сынъ.

Въ эту ночь новымъ свѣтомъ зажглась на востокѣ
звѣзда,
Призывая Волхвовъ поклониться Владыкѣ царей.
И въ далекій вертепъ мудрецы поспѣшили тогда,
Въ даръ Младенцу неся злато, смирну и чистый елей.

Сонмомъ ангеловъ полонъ былъ Божій надзвѣздный
чертогъ.
Пѣли гимнъ Рождеству они, славя Христа и хваля...
Для побѣды надъ смертью и зломъ воплотился
Спаситель нашъ Богъ,
И съ любовью и радостью чистой встрѣчала Младенца
земля.

Почти двадцать вѣковъ надъ землей пронеслось съ
этихъ поръ.
Міръ погрязъ въ беззаконіяхъ, вѣру Христову попралъ,
Чистотѣ предпочелъ небывалый развратъ и позоръ,
Въ бездну тьмы, и грѣха, и невѣрья, и гордости палъ!

И въ немногихъ сердцахъ человѣческихъ память о Богѣ
живетъ.
Мира нѣтъ на землѣ... Оскудѣла любовью она...
Славу Господу въ вышнихъ лишь Воинство Божье поетъ
И лишь тамъ, у Престола Младенца - Христа тишина...

*
* *

Опять весна. Отъ гіацинтовъ, фьялокъ, анемонъ
Лилово-синяя лежитъ весенняя земля...
Ихъ ароматомъ горный воздухъ напоенъ...
И снова по холмамъ брожу часами я.

И вновь меня собой не радуетъ весна...
Чужая входитъ скорбь опять въ мое сознанье.
Зерно незримое грядущаго страданья,
Которому душа усталая тѣсна.

Какъ звенья ровныя цѣпей, идутъ за днями дни
Безостановочной неумолимой чередой.
Зарю весны замѣнятъ лѣта знойные огни;
Но отцвѣтетъ оно. И надъ кристальною водой

Склонится золото осеннее березъ.
Вернусь ли къ нимъ съ полей незнаемыхъ, далекихъ?
И вспомнится ли въ дняхъ холодныхъ, одинокихъ
Улыбка ясная средь гордыхъ скрытыхъ слезъ?

"СЪ ШИРОКОЙ МАСЛЕНИЦЕЙ!"

Съ широкой масленицей васъ, друзья, съ блинами!
На сторонѣ чужой припомнимъ нашу Русь;
И, чѣмъ хотите только, я клянусь:
Картина милая предстанетъ передъ нами!

Вотъ длинный пестрый рядъ и водокъ, и настоекъ,
Икорка, балыки, янтарный жирный сигъ,
И семга нѣжная... Здѣсь и аскетъ и стоикъ
Не устоитъ душой хоть на единый мигъ!

И яснымъ соколомъ, и пташечкою мелкой
За рюмкой рюмочки желанныя летятъ!
Съ закуской разною, онѣ для насъ — бездѣлка;
И, право, русскому желудку не вредятъ.

А тамъ, идутъ блины. Простые и съ припекомъ.
(Украшены сѣдой привычкой старины)
Съ грибами, со снѣткомъ — лежатъ горой высокой.
То лукомъ, то яйцомъ крутымъ начинены.

Съ густой сметаною, съ селедочкой и съ сыромъ...
Румяный, золотой и масляный — одинъ
Недѣлю царствуетъ надъ православнымъ міромъ
Горячій, жирный, чуть хрустящій блинъ!

Ѣдятъ "аршинами" и "стопками", поштучно!
Ѣдятъ и старъ, и малъ, и дѣти, и отцы.
Съ широкой масленицой русской неразлучны
Веселье, звонкій смѣхъ, катанье, бубенцы,

И пѣснь, и плясъ, и шумъ, и бѣгъ горячей тройки
Въ пыли сверкающей искрящихся снѣговъ!
Мелькаютъ улицы, деревья и постройки,
Холмы, поля, и даль сѣдыхъ лѣсовъ...

Увы, о прошлыхъ дняхъ одно воспоминанье
Мы бережно хранимъ на самомъ днѣ души,
Въ несчастіи, въ бѣдѣ, въ разсѣяньи, въ изгнаньи
— Въ разбитыхъ городахъ, по деревнямъ въ глуши...

Но, какъ бы ни было, въ дни масленой широкой
Невольно думаемъ мы о землѣ родной.
Храня обычаи страны своей далекой,
Мечтаемъ выпить мы хотя бы ”по одной“.

И ужъ, конечно, всякій чувствомъ, сердцемъ русскій, —
Мечтаетъ о блинахъ и пристаетъ къ женѣ:
Какія выдумать сейчасъ къ блинамъ закуски?
И безпокоится о водкѣ и винѣ.

Не унываемъ мы. Бѣгутъ года предъ нами,
Но, русскіе душою мы всегда,
— Не устоимъ предъ рюмкой никогда!
Съ Широкой Масленицей васъ, друзья, съ блинами!

1946 г.

МАРТЪ

Воетъ вѣтеръ. И крупныя бѣлыя хлопья
Въ вышинѣ снѣговыми цвѣтами
На мгновенье одно расцвѣтаютъ...
Но пронзаютъ дождя ихъ прозрачныя копья,
И земля ихъ лобзаетъ своими устами,
И, коснувшись ея — они таютъ...

И опять зацвѣтаютъ
На секунду одну, на одно лишь мгновенье
Средь дождя, и метели, и бури.
И рождаясь, тотчасъ умираютъ,
И кружатся въ своемъ безконечномъ паденьи,
Скрывъ надолго сіянье лазури.

Такъ и въ седцѣ моемъ: неземными цвѣтами
И мечты, и любовь расцвѣтали,
И манили метельною пляской.
Но касалась ихъ жизнь равнодушно перстами
Своей грубой руки, и они отцвѣтали,
И казались далекой сказкой.

Не привыкшее къ ласкѣ,
Жадно пьетъ мое сердце тепло и участье.
Но скорбей раскаленныя копья
Приближаютъ развязку.
И въ слезахъ и тоскѣ таетъ робкое счастье,
Какъ весеннія снѣжныя хлопья.

**
*

О ты, поле, золотое
Все въ колосьяхъ полновѣсныхъ,
Съ синевы высотъ небесныхъ
Яркимъ солнцемъ залитое!

Голубыми васильками
Межъ колосьевъ ты пестрѣешь
И живыми огоньками
Алыхъ маковъ пламенѣешь.

Надъ тообю безмятежно
Только жаворонокъ вьется,
Только благовѣстъ несется
Отъ села волною нѣжной.

О ты, поле, мое поле,
Сколько шири и простора!..
Небо, солнце, вѣтеръ, воля
Да колосьевъ шепоть скорый!

*
* *

Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!
Поютъ и небо, и земля,
Небесной радости внемля,
Творца и Господа хваля.

Листвою яркой убранъ лѣсъ,
Полны весенней красоты
Благоуханные цвѣты...
Лаская, льются съ высоты
И пѣнье птицъ и солнца свѣтъ.

И въ праздникъ радостный весны
Колокола церквей слышны.
Они въ трезвонѣ съ вышины
Землѣ пасхальной шлютъ привѣтъ.

Но въ мірѣ есть одна страна.
Она за грѣхъ осуждена:
Ей радость сердца не дана.
Въ ней ни любви, ни мира нѣтъ.

Въ крови, окована — молчитъ,
И муку крестную таитъ,
И въ сердцѣ прошлое хранитъ
Земля святыхъ, земля чудесъ!

О ней одной тоскую я,
Въ душѣ любовь и скорбь тая...
О, Русь, далекая моя,
Ты слышишь ли? — Христосъ Воскресъ!

***

Что можетъ быть лучше и радостнѣй утра,
И птицъ щебетанья весной на зарѣ?
Сверкаютъ на Альпахъ снѣга перламутромъ
Въ сіяньи восхода. Рѣка въ серебрѣ...

И листья березъ, и трава луговая,
Былинки и хвоя, и каждый цвѣтокъ —
Все тянется къ солнцу. Порой набѣгая,
Проходитъ, играя листвой, вѣтерокъ.

И яркое небо — безбрежно, какъ море.
Ладьей золотою въ немъ солнце плыветъ...
Сады въ кружевномъ бѣлоснѣжномъ уборѣ...
И Господу гимнъ свой природа поетъ.

* * *

Однажды случилось мнѣ видѣть орла.
У птицы свободной и гордой
Подрѣзаны вдругъ были оба крыла...
Онъ шелъ по каменьямъ нетвердо,

И въ страхѣ, и злобѣ косилъ темный глазъ.
Въ неволѣ тяжелой, немилой
Свободный въ немъ духъ постепенно угасъ,
Изсякли и гордость, и силы.

И, вмѣсто паренья надъ безднами горъ,
И солнца, и радостной воли —
Желѣзною цѣпью гремитъ онъ, просторъ
Оставивъ для вѣчной неволи.

Орелъ этотъ жалкій стоитъ предо мной,
Какъ образъ товарища, друга:
Давно пресѣченъ путь нерадостный мой
Тяжелою властью недуга.

Я, также, какъ плѣнникъ пернатый молчу.
И страхъ въ моемъ сердцѣ таится.
И цѣпи недуга покорно влачу...
А духъ мой скорбитъ и томится.

СТАТУЭТКА

Я — задумчивая гейша
Изъ японскаго фарфора.
Для меня внизу, у моря
Зацвѣтаютъ снѣгомъ вишни,
Для меня поютъ чуть слышно
Звуки струнъ, звенятъ тимпаны,
Темно-красные тюльпаны
Для меня лишь расцвѣтаютъ...
И закаты догараютъ
— Только для меня!

Въ лакѣ неба, вѣчно юномъ,
Какъ мой круглый бѣлый вѣеръ,
Свой выноситъ горделиво
Щитъ серебряный луна.
И летитъ соленый вѣтеръ,
И поютъ, и плачутъ струны,
И надъ всѣмъ нависла чутко
— Тишина.

Это было, или снилось?!
Сердце хрупкое разбилось:
Въ синей дали моря скрылась
Солнца и цвѣтовъ страна!
Все, что страстно я любила.
Чуждымъ снѣгомъ міръ покрыло...
Я — одна.

И стою сейчасъ въ гостиной
Среди мебели старинной
Въ тишинѣ.
И, дрожа отъ стужи, брежу...
И въ бреду — о солнцѣ грежу,
О веснѣ.

Для меня, для гейши юной
Серебристой ночью лунной
— Пѣли и звенѣли струны,
Въ плескѣ моря еле слышны.
Зацвѣтали снѣгомъ вишни,
Небо куталось узорнымъ
Кимоно атласнымъ чернымъ;
Въ немъ искрились, расцвѣтая,
Хризантемы звѣздъ, мерцая...

Гордо и легко
Шла луна, въ сіяньи вѣчномъ,
Какъ мой круглый бѣлый вѣеръ,
Поднимая горделиво
Щитъ старинный высоко.
И летѣлъ соленый вѣтеръ,
Юный смѣхъ звучалъ безпечно,
Отдаваясь счастьемъ въ сердцѣ глубоко.
Гдѣ-то... далеко...

**
*

Держу букетъ цвѣтовъ невянущихъ большой
Скорбей тяжелыхъ, горя и печали,
Что сердце мое въ жизни посѣщали,
Которыми болѣла я душой.

Цвѣты нездѣшніе на Божій Судъ предстанутъ
Съ душой измученной. Они произнесутъ
Свое свидѣтельство. И лишь тогда увянутъ,
Когда взамѣну плодъ небесный принесутъ.

О, собирай цвѣты души своей смятенной:
Печали, радости, скорбей — всю жизнь свою.
Ты понесеншь съ собой букетъ изъ чувствъ нетлѣнный,
И въ небесахъ они — рѣшатъ судьбу твою.

Н-СКІЙ ВОДОПАДЪ

Голубая кружевная,
Пѣнясь шумно и бурливо,
Убѣгаетъ торопливо
Масса чистыхъ горныхъ водъ.

Грудью сильной, тонкой пылью
Въ мигъ о скалы разбиваясь,
Опускаясь, поднимаясь —
Мчится бурно все впередъ.

Но умѣло, дерзко, смѣло
Вдругъ въ ущелья тѣсномъ брегѣ,
Въ годеливомъ мощномъ бѣгѣ —
Человѣкомъ плѣнена.

Въ стѣнахъ мшистыхъ и скалистыхъ,
Въ тишинѣ, въ молчаньи вѣчномъ,
Въ бѣгѣ струй своихъ безпечномъ
Вновь вода заключена.

И живою бирюзою,
Трепеща, переливаясь,
Обнаженныхъ скалъ касаясь,
Обрѣтя опять покой,

— Въ путь далекій одинокій,
Зародясь въ вершинахъ снѣжныхъ,
Мчатся струи водъ мятежныхъ
Быстрой горною рѣкой.

ДРУГУ

Иди одинъ! Не плачь, не мучайся, не сѣтуй.
Вѣдь каждый человѣкъ — безмѣрно одинокъ.
Отъ каждаго покой и миръ души далекъ,
И каждый за себя готовится къ отвѣту.

Иди одинъ. Молчи. Замкнись. Не расточай
Сокровища души, обманутой тоской:
Такъ мало чистыхъ, праведныхъ въ толпѣ людской.
Къ сочувствію другихъ себя не пріучай.

Иди одинъ. Молчи. Смиряй и духъ, и тѣло,
Судьей себѣ суровымъ безпощаднымъ будь!
Молчи, молись. И, можетъ быть, когда-нибудь
Познаешь мудрый смыслъ намъ даннаго удѣла.

***

Душа моя полна и боли, и смятенья,
Тоски несказанной, невыплаканныхъ слезъ,
О дняхъ, истраченныхъ безплодно, сожалѣнья,
О будущемъ тревогъ и горькаго волненья...
Меня томитъ, гнететъ скорбей и думъ хаосъ.

Тружусь ли на своемъ, мнѣ Богомъ данномъ полѣ?
Я вижу: плевелы въ хлѣбахъ моихъ растутъ,
И зрѣютъ пышные, и скоро все зальютъ,
Задушатъ, заглушатъ, не сдержанные волей,
Трудомъ, молитвою; погубятъ, заплетутъ
Колосья тонкіе на почвѣ каменистой.
И какъ, невѣрный рабъ, сжигаемый стыдомъ,
— Вдругъ позванный съ своей тропы земной,
тернистой —
Какъ я смогу предстать и смрадный, и нечистый
Лѣнивый, лживый рабъ — предъ Божіимъ Судомъ!?

Какъ я уберегу уже больную ниву,
Какъ вырву плевелы, пока закатъ далекъ?
Слѣпецъ безумный тотъ, кто возлюбилъ порокъ,
Кто отозвался сердцемъ ложному призыву,
Кто не зажегъ своей свѣтильни въ должный срокъ.

О, не оставь меня, Владычица и Мать,
Заступница за всѣхъ передъ Предвѣчнымъ Сыномъ!
Я жажду, скорбь свою несу Тебѣ Единой,
Молю Тебя въ слезахъ: о, помоги мнѣ встать,
И огради меня стѣною нерушимой
Покрова Своего! Мой домъ унылъ и пустъ,
И боленъ духъ во мнѣ! Но ищетъ онъ пути;
И я молю Тебя, Владычица, прости,
И жаждущихъ моихъ, сожженныхъ зноемъ устъ
Отъ горнихъ чистыхъ водъ Твоихъ не отврати!

***

Природа сѣвера — скромнѣй,
Чѣмъ лавры, пальмы и мимозы...
Но ели, ландышъ и березы, —
Для сердца русскаго милѣй.

На южномъ дальнемъ берегу
Я вспоминаю ихъ невольно.
Ихъ образъ въ сердцѣ берегу...
И грустно мнѣ... И больно, больно!

**
*

Я поняла. Когда ты въ морѣ одинокъ,
И гдѣ-то далеко, за бездной водъ, мерцаетъ
И утомленный взоръ и манитъ, и ласкаетъ
На маякѣ звѣздой живою огонекъ —

Не думай, о пловецъ, что это — вѣрный знакъ
Того, что ты до скалъ прибрежныхъ доберешься,
Что ты въ расчетѣ силъ своихъ не ошибешься,
Что, вѣря, не уйдешь на дно въ подводный мракъ.

Я поняла: когда душа твоя болитъ,
Когда ей тяжело, когда ей нѣтъ исхода —
Тягчайшій камень привали у входа,
И помни: силенъ тотъ, кто стоекъ, кто молчитъ.

Я поняла, что къ старости — мечты
Нелѣпы и смѣшны, какъ пѣсни, какъ надежды...
Вѣдь не бросаютъ нищимъ царскія одежды,
Вѣдь не несутъ къ пожарищу цвѣты.

Я поняла еще, что бѣдный мой челнокъ
Съ измученнымъ гребцомъ въ пустынѣ океана,
Во власти бури, волнъ, грозы и урагана
Для свѣта маяка — безличенъ и далекъ!

**
*

Улыбнись мнѣ, милый, улыбнись,
Какъ тогда давно, давно, когда-то...
Я тоской мучительной объята;
На нее ты сердцемъ отзовись!

Знаю: безъ возврата канули года.
И ко мнѣ усталой, одинокой
Ты, мой другъ, изъ своего далека
Не вернешься больше никогда.

О СМЕРТИ

И придетъ этотъ день. И сіяющій ангелъ войдетъ,
И протянетъ ко мнѣ свою тонкую властную руку,
И души моей приметъ земную послѣднюю муку,
И стезею невѣдомой къ Богу меня поведетъ.

Жду нездѣшняго вѣстника, каясь и снова грѣша,
Умоляя Творца о прощеньи, о вѣчномъ спасеньи,
О забвеньи паденій во свѣтѣ, въ любви воскресенья!
И восторгомъ, и ужасомъ смертнымъ трепещетъ душа!

ПРОЩАНЬЕ

Былъ только мигъ. Но былъ онъ дологъ,
Какъ нить моей земной тоски.
Я помню зелень стройныхъ елокъ,
Обрыва желтые пески,

И рядомъ — золотое поле,
И васильки въ густыхъ хлѣбахъ;
И въ сердцѣ жало острой боли,
И свѣтъ улыбки на устахъ.

Костеръ мой бѣдный догораетъ.
Острѣе когти злой тоски...
А въ памяти встаютъ и таютъ
Въ колосьяхъ спѣлыхъ васильки.

**
*

Хочу покоя и тепла,
И дружбы нѣжной,
Чтобъ отдохнуть отъ лжи и зла
Душой мятежной.

Хочу — не думать! Позабыть
Земли печали;
Хочу въ ладьѣ свободной плыть
Въ иныя дали.

И знать, что въ той странѣ, гдѣ нѣтъ
Грѣха и мщенья —
Душа познаетъ вѣчный свѣтъ,
И миръ забвенья.

**
*

Впиваю солнце, вѣтеръ, моря соль!..
Вокругъ шумитъ и плещетъ океанъ.
А въ сердцѣ — тотъ же гнетъ, и та же боль
Моихъ душевныхъ скрытыхъ ранъ.

Не милы мнѣ ни вѣтеръ, ни просторъ,
Ни солнца блескъ на зыби мощныхъ водъ,
Ни вѣчныхъ волнъ немолчный разговоръ,
Ни голубой далекій небосводъ.

Мнѣ грезятся иные берега,
Другой песокъ, другіе облака,..
Просторъ степей, суровая тайга...
И на душѣ моей глубокая тоска.

**
*

Прощай земля! Еще немного,
И отъ тебя я оторвусь,
И высшей волей вознесусь
На Страшный Судъ къ Престолу Бога!

Прощай страна моя родная.
Тебя я не увижу вновь,
Но въ сердцѣ горестномъ любовь
Къ тебѣ горитъ не угасая.

Тускнѣютъ краски, глуше звуки,
Желанья гаснутъ: жизнь — обманъ.
И вижу смутно, сквозь туманъ —
Мнѣ ангелъ простираетъ руки...

Еще немного: мигъ, иль годы,
Но знаю твердо: день за днемъ
Все ближе тягостнымъ путемъ
Я подхожу къ вратамъ свободы!

**
*

Слышу звонъ монотонно-печальный...
Въ сердцѣ мукою онъ отдается.
И повсюду, вездѣ раздается
Этотъ тягостный звонъ погребальный!

Онъ надъ гибнущимъ міромъ несется;
Вѣдь почти что надъ каждой столицей
Возвышается ясно таблица
— "Только красной Москвѣ продается!"

Глухи совѣсть и умъ человѣка.
Жертву золоту, "миру", желудку
Противъ голоса чести, разсудка,
Дѣти страшнаго грознаго вѣка,

Не колеблясь поспѣшно приносятъ!
И дракона съ кровавою пастью
"Осчастливить" ихъ краснымъ участьемъ
Такъ постыдно, униженно просятъ!

Богъ "культурному" міру не нуженъ!
Совѣсть, милость и честь — предразсудки!
Боги — деньги, и власть, хоть на сутки!
Демонъ хищный и страшный разбуженъ!

И не слышитъ, услышать не хочетъ
Міръ безумныхъ, циничныхъ, ничтожныхъ
— Мукъ, стенаній, страданій неложныхъ,
Что имъ скорую гибель пророчатъ!

И несется уныло-печальный
Надъ землею безумьемъ объятой,
Въ горкій часъ неизбѣжной расплаты
Звонъ не молкнущій, звонъ погребальный...

ВОИНАМЪ ПЕРВАГО РУССКАГО ОХРАННАГО КОРПУСА

Герои духа, вѣрные всегда
Своей униженой терзаемой Отчизнѣ,
Вы на алтарь ея свои несете жизни
Ей не измѣните нигдѣ и никогда!

Вы Бѣлую идею до конца
Своею русской защищали кровью.
Къ народу, къ Родинѣ горячею любовью
Горѣли ваши вѣрныя сердца.

Небесный Царь погибшимъ да проститъ!
И да поможетъ всѣмъ, кто живъ, въ пути тернистомъ:
Да сохранитъ огонь священный въ седцѣ чистомъ,
И страждущихъ душою да благословитъ.

* *
*

Я слышу поступь роковую
У двери запертой моей!
Она все ближе, тяжелѣй...
И я страдаю и тоскую...

Вотъ твердая рука ложится
На ручку двери... Боже мой!
То старость горькая стучится
Ко мнѣ съ богатою сумой.

Въ ней — одиночество и мудрость,
И униженье, и печаль;
Любви забвенье, ласки скудность,
И смерти близящейся даль.

И равнодушно, и сурово
Вотъ-вотъ, сейчасъ она войдетъ...
Безстрастно роковое слово!
Безстрастно роковое слово!

***

Есть рана въ сердцѣ у меня. Всегда
Горитъ она и кровiю сочится...
Утихнутъ боль и жаръ ея тогда,
Когда въ груди не будетъ сердце биться.

**
*

Спи, дитя! Пусть ангелъ Божiй
Среди страшныхъ бездорожiй
По землѣ тебя ведетъ.

Пусть огонь любви и вѣры
Въ жизни горькой, злой и сѣрой
— Въ твоемъ сердцѣ сбережетъ!

Пусть он силою чудесной
Вложитъ пѣсни звукъ небесной
Животворной въ твою грудь!

И тогда, душѣ поэта,
Незмнымъ огнемъ согрѣтой,
Будетъ легче жизни путь.

*
* *

Надежда! Слышишь это слово?
Оно всегда свѣтло и ново!
И воскрешаетъ, и зоветъ.

Въ печали, въ радости, въ несчастьи
— Душа въ его безкрайной власти:
Оно намъ силы жить даетъ.

Надежда ты! Пусть это слово
Въ пути земномъ твоемъ суровомъ
Горитъ звѣздою въ тьмѣ невзгодъ!

Живи надеждой свѣтлой, яркой,
Молясь молитвой сердца жаркой,
И Богъ тебя не оттолкнетъ.

**
*

Вотъ и жизни конецъ! И пестра, и грустна
По дорогамъ земнымъ проходила она.
Подъ пожары войны, революцій огни —
Ужасъ, горе и скорбь мои красили дни.

Но въ дорогахъ земныхъ, какъ жемчужинъ зерно,
Мнѣ встрѣчать красоту было Богомъ дано.
И улыбкою рѣдкой средь горя и бѣдъ
Одинокій мой путь иногда былъ согрѣтъ.

Это — отблескъ божественныхъ вѣчныхъ огней,
Въ тьмѣ блеснувшій душѣ благодарной моей!
И на старости лѣтъ, я съ баготой сумой
И грѣховъ, и скорбей — жду призыва домой!
И бреду, милосердья прося, на костыль
Опираясь сильнѣй, сквозь дорожную пыль.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ 1918 ГОДА

О, глаза васильковые русскіе!
Я васъ вижу еще и теперь...
За рѣшетками окна узкіе
И глухую тюремную дверь!

Въ ту годину босые и нищіе,
Каждый день черезъ рѣчку — мы
Два ведерка съ горячею пищею
Приносили къ воротамъ тюрьмы.

Лишь однажды — съ глазами бездонными —
Вышелъ къ намъ офицеръ молодой.
Знали мы: всѣ они обреченные!
Всѣ, кто шелъ не подъ красной звѣздой.

Это — бѣлые были плѣнники,
Тѣ, кто правды и свѣта хотѣлъ!
Здѣсь — они назывались "измѣнники".
Ждалъ ихъ страшный кровавый удѣлъ.

Къ этажу съ роковыми окошками
Мы глаза поднимали всегда.
Намъ махали деревянными ложками,
И "спасибо" неслось иногда...

Разъ, пришли мы съ корзиною нашею.
Мрачный сторожъ угрюмо сообщилъ:
— "Ихъ" — убили!.. И хлѣба съ кашею
Чтобы больше никто не носилъ!"

ПРОЩЕННОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ

Въ тотъ часъ, когда вступаемъ мы въ Великій Постъ,
— Съ земнымъ поклономъ мы у ближнихъ просимъ
Прощенія обидъ, которые наносимъ.
Обычай древній трогательно простъ.

За время подвиговъ духовныхъ, не одна
Чистѣйшая слеза предъ Господомъ прольется;
И сердце въ горести не разъ сильнѣй забьется,
Молитва теплая родится не одна.

Печальна церковь. Ризы, пелены,
Завѣса — черныя въ знакъ сокрушенья.
На клиросѣ почти не слышны пѣснопѣнья,
Лампады рѣдкія во мракѣ возжены...

Небесный Царь! Въ дни строгіе Поста
Дай мнѣ паденій горькое сознанье,
Пошли душѣ смиренье, покаянье,
Молитву жаркую у Твоего креста!

**
*

Чуждо море мнѣ лазурное...
Страшно грозное и бурное,
День и ночь волной шумящее,
Въ бездну темную манящее!

То ли дѣло — степь широкая,
Темный лѣсъ, рѣка глубокая,
Средь луговъ — тропинка узкая,
Звонъ косы, да пѣсня русская!

То ли дѣло — духъ березовый,
Бѣлый грибъ, шиповникъ розовый,
Поле съ озимью зеленою,
Вьюга, снѣгъ зимой студеною!

Въ страду жатвы — зной томительный,
Дальній благовѣстъ плѣнительный,
Тишина погоста строгая,
Деревень краса убогая...

Русь моя, земля далекая!
О тебѣ тоска глубокая,
Скорбь моя, печаль сердечная,
Боль и мука безконечная!..

Но тоска утихнетъ жгучая:
Вѣрю — грозная, могучая
Божьей правдой просвѣтленная,
Въ покаяніи прощенная

— Сбросишь ты оковы красные!
И надъ тьмой, какъ солнце ясное,
Встанешь мощная державная,
Русь святая, православная!

**
*

Срѣтенье Господне — праздникъ февраля.
Чудный задостойникъ, освященье свѣчъ...
Тамъ, въ родной странѣ, готовится земля
Горностай холодный скоро сбросить съ плечъ!

Лютъ морозъ февральскій; но уже сквозь сны,
Чувствуетъ земля, что солнечный восходъ
Раньше все, что ближе ласковой весны
Царственно-прекрасный и побѣдный ходъ!

Здѣсь же, на чужбинѣ, сердце февраля —
Знойный рѣзкій вѣтеръ, хмурый океанъ,
Выжженнныя солнцемъ степи и поля,
Тяжкій влажный воздухъ жаркихъ южныхъ странъ,

Тонкій раскаленный рѣжущій песокъ...
И летятъ невольно мысли, чувства вдаль,
На далекій, горькій, всѣмъ чужой востокъ,
Гдѣ въ снѣгахъ метели ждетъ весны февраль.

**
*

Моя муза — муза грустная...
Она рѣдко улыбается:
У нея окошко тусклое —
Свѣтъ въ него чуть пробивается.

И, живя въ тоскливыхъ сумеркахъ,
Съ долей злой она смиряется:
Для нея — ушло и умерло
Все, что счастьемъ называется.

И томятъ ее — нездѣшнюю —
Гнѣвъ и боль съ любовью страстною,
Оттого, что землю грѣшную
Держитъ зло рукою властною!

**
*

Сегодня я видѣла чаекъ близко;
Крѣпкихъ, хищныхъ и сильныхъ птицъ.
Кружились онѣ надъ моремъ низко
И летъ ихъ не зналъ границъ.

И мнѣ захотѣлось чайкою бѣлой
Пересѣчь океана волну,
И спокойно, свободно, открыто и смѣло
Къ твоему подлетѣть окну...

И на мигъ лишь одинъ заглянуть въ твою душу,
Твои думы и боль узнать...
И покинуть горячую, знойную сушу,
Чтобы больше къ тебѣ... не летать.

**
*

Ты помнишь ли полей просторъ
Далекой Родины своей?
Лѣса глухіе, цѣпи горъ,
И синеву ея морей?

Луга цвѣтущіе, березъ
Зеленый шелковый уборъ,
И первый снѣгъ? Метель, морозъ,
Заиндевѣвшій старый боръ,

И слѣдъ полозьевъ на снѣгу,
И отдаленный лай собакъ?
Лихую тройку на бѣгу,
Костеръ далекій, ночи мракъ,

И колокольчикъ подъ дугой,
И васильки, и мракъ во ржи,
Звонъ колокольный за рѣкой?..
Ты помнишь ли, мой другъ? — Скажи!?

Да, знаю: помнишь! Отчій домъ
И сумракъ липовыхъ аллей,
И лугъ зеленый за прудомъ,
И въ небѣ звонкихъ журавлей...

— Все то, что мы роднымъ зовемъ,
И что ушло навѣки вдаль...
Все, что мы въ сердцѣ бережемъ,
Въ чемъ наше счастье и печаль!

*
* *

Мои двѣ дѣвочки — двѣ маргаритки
На тропкѣ узенькой сквозь жизни лѣсъ...
Двѣ быстрыхъ ласточки, двѣ ясныхъ звѣздочки,
Лишь мнѣ примѣтныя во тьмѣ небесъ.

Мои двѣ дѣвочки мнѣ Богомъ посланы,
Какъ знакъ прощенія въ грѣхѣ моемъ;
Какъ солнце яркое среди ненастія
На небѣ облачномъ и грозовомъ.

Мои двѣ дѣвочки — двѣ пѣсни сердца
И два моленія души моей.
Будь, Боже, милостивъ: дай быть имъ чистыми,
Всегда достойными любви Твоей!

**
*

Мнѣ тяжело, и больно, и тоскливо...
Печально все, безрадостно вокругъ.
Все уже жизни уходящей кругъ,
Все болѣе душа и сердце сиротливы.

Земля цвѣтетъ... Но все на ней мятежно!
Въ людскихъ тоскующихъ, измученныхъ сердцахъ —
Лишь напряженіе царятъ и горькій страхъ:
Возмездье близится, возмездье неизбѣжно.

За отреченіе от Бога, за паденье,
За гордость, слѣпоту, за кровь, и за позоръ!
И поднимается невольно грѣшный взоръ
Туда, гдѣ все — любовь, гдѣ все — забвенье.

***

Легенда говоритъ, что путникъ шелъ усталый.
Несъ Богомъ данный крестъ, и крестъ давилъ его.
И не хотѣлъ онъ въ жизни больше ничего —
Лишь крестъ громоздкій свой перемѣнить на малый.

И къ Богу онъ воззвалъ. И предъ усталымъ взоромъ
Его явилось множество великое крестовъ.
Безцѣнныхъ и простыхъ — всѣхъ видовъ и цвѣтовъ:
Большихъ, и маленькихъ, и гладкихъ и съ узоромъ.

И путнику сказалъ Господь: "Возьми, попробуй,
Примерь любой изъ нихъ. И Я тебѣ отдамъ
Тотъ крестъ, который ты себѣ назначишь самъ,
Чтобъ онъ не вызывалъ ни ропота, ни злобы".

И путникъ съ радостью свой тяжкій крестъ оставилъ,
И началъ примѣрять все множество крестовъ.
Но... Этотъ — тяжелѣй тягчайшихъ былъ оковъ,
Тотъ — рѣзалъ плечи, тотъ — страданья не избавилъ.

И сколько человѣкъ мятежный не пытался
Крестъ новый, крестъ иной найти для силъ своихъ —
Онъ только болѣе и тверже убѣждался,
Что Богомъ данный крестъ былъ легче всѣхъ другихъ.

ОГЛАВЛЕНIЕ:

Talleres Gráficos "DORREGO", calle Dorrego 1102, Buenos Aires. T. E. 54 - 4644